

СОЦИАЛЬНАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЗНАНИЯ

Бутаков Павел Анатольевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. **Институт философии и права СО РАН.** Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8; e-mail: pavelbutakov@academ.org

Мой ответ на статью Джона Греко посвящен не критике его теории, а попытке принять ее и выяснить, нуждается ли она в каких-либо уточнениях. Мое уточнение заключается в том, что теория Греко о социальной передаче свидетельского знания работает только в том случае, если это знание удовлетворяет условию социальной верифицируемости, т. е. может быть проверено теми средствами, которые присущи данной социальной структуре. При переходе к области религиозного знания становится ясно, что не все его виды соответствует критерию социальной верифицируемости. Из этого следует, что далеко не каждое религиозное знание может передаваться посредством описанного Греко социального механизма. Поэтому теория Греко оказывается вполне применимой к социально верифицируемым религиозным свидетельствам, но не применимой к остальным.

Ключевые слова: эпистемология добродетелей, эпистемическое бремя, социальная передача знания, социальная верификация

SOCIAL VERIFICATION OF RELIGIOUS KNOWLEDGE

Pavel Butakov – PhD in Philosophy, senior research fellow. Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences. 8 Nikolaeva St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: pavelbutakov@academ.org

The author does not aim to argue with John Greco's theory, but to find out whether it requires any adjustment. The author claims that Greco's theory of the social transmission of knowledge requires the transmitted knowledge to be socially verifiable, that is, to be subject to those means of confirmation that pertain to the social system. Unfortunately, some kinds of religious knowledge are not socially verifiable; therefore, they cannot be transmitted via Greco's social mechanism. The author concludes that Greco's theory turns out to be applicable to the socially verifiable religious testimonies, and not applicable to the rest.

Keywords: virtue epistemology, epistemic burden, social transmission of knowledge, social verification

В своем ответе я не стану полемизировать с Джоном Греко, но постараюсь показать, что его концепция социальной передачи свидетельского знания нуждается в дополнительном критерии социальной верифицируемости знания и, как следствие, имеет ограниченные возможности применения к области религиозного знания. Но прежде чем приступить к изложению своих доводов, я кратко перечислю три компонента эпистемологической концепции Джона Греко, необходимых мне для обоснования критерия социальной верифицируемости.

Во-первых, следует сказать несколько слов об эпистемологической установке, известной под названием «эпистемология добродетелей» (*virtue epistemology*). В традиционной эпистемологии форми-

вание знания рассматривается как сбор и оценка данных, в то время как в эпистемологии добродетелей формирование знания рассматривается более широко и связывается с интеллектуальными качествами («добродетелями») познающих субъектов или сообществ. Джон Греко является одним из ведущих теоретиков эпистемологии добродетелей. Он придерживается ее релейабилитской трактовки (*virtue reliabilism*), при которой основной упор делается на применении эпистемически надежных когнитивных процедур и способностей¹. Стоит отметить, что в обсуждаемой статье Греко старается избегать явных ссылок на «добродетельный» подход, стремясь сделать ее приемлемой и для сторонников других теорий. Тем не менее полностью скрыть следы этого подхода ему все же не удастся, поскольку его теория во многом зависит от оценки надежности тех или иных когнитивных действий. Я полагаю, что нет никакого смысла утаивать «добродетельное» основание его теории, но напротив, его следует раскрыть и активно использовать.

Вторым необходимым нам компонентом теории Греко является представление о коммуницируемости знания. Традиционная эпистемология рассматривала знание как то, что каждый субъект формирует для себя самостоятельно. Однако в последнее время появилось новое направление – эпистемология свидетельства, где знание рассматривается как нечто, что может быть принято человеком в уже готовом виде. Одним из родоначальников современной эпистемологии свидетельства стал Майкл Велборн, который, опираясь на работы Дж. Л. Остина, заявил, что «знание передаваемо, коммуницируемо» (*“knowledge is transmissible, communicable”*) [Welbourne, 1979, p. 3]. Этот подход не исключает процесса формирования знания на основании оценки данных, но допускает существование альтернативного процесса, при котором субъект не формирует свое мнение самостоятельно, а принимает готовое знание через свидетельство.

Третьим важным для нас компонентом является идея социального переноса эпистемического бремени и предложенная Греко «модель информационной экономии». Согласно этой модели в социальных системах происходит нечто подобное общественному договору: большинство членов общества передают часть своей эпистемической ответственности специально назначенным людям. Благодаря такой эффективной организации одни люди занимаются сбором и распространением информации, а другие занимаются своими делами и при этом содержат первых. Для нас здесь важно то, что подобная структура позволяет большинству людей оставаться эпистемически добродетельными познающими субъектами несмотря на то, что они выполняют лишь малую часть той работы, которая необходима для добродетельного познания.

¹ См., например, его недавнюю статью: [Greco, 2017].

Если собрать эти три компонента в единую концепцию, то перед нами встанут новые вопросы: каким образом в социальной системе обеспечивается надежность свидетельств, распространяемых специально назначенными добытчиками знания? И каковы свойства того знания, которое они распространяют? Ответом на эти вопросы будет введение в теорию Греко дополнительного параметра – критерия социальной верифицируемости знания.

Социальные системы, в рамках которых происходит описанная Греко передача знания, не предназначены для передачи любого знания. Сами по себе люди могут доверять каким угодно свидетельствам, но социально обусловленное эпистемически добродетельное доверие ограничивается лишь теми свидетельствами, чья достоверность гарантирована системой. Каждая социальная система отвечает лишь за свой, особый вид знания. Так, например, ученые распространяют научное знание, журналисты сообщают о происшествиях, друзья делятся личной информацией. Сфера влияния каждой социальной системы ограничена лишь ее собственным видом знания. Мы не признаем авторитет ученых в вопросах, выходящих за рамки науки, и не считаемся с моральными оценками журналистов по поводу описываемых ими событий. Мы, например, вполне можем доверять свидетельствам профессора Стивена Хокинга о квантовой гравитации, но нам не следует полагаться на его свидетельство о смерти философии². Точно так же я могу поверить рассказу друга о его личных переживаниях, но мне не следует полагаться на его мнение при выборе лекарства. Всякое эпистемически добродетельное социальное доверие должно оставаться в эпистемических рамках сферы деятельности социальной системы.

Социальная система назначает конкретных людей добывать знание для общего пользования, и эта же система следит за тем, чтобы добытое ими знание было надежным во избежание дискредитации всей системы. Для соблюдения подотчетности добытчиков знания в каждой системе учреждаются некие механизмы верификации распространяемой ими информации. Наше доверие к этой информации основывается не столько на личной добропорядочности самих добытчиков, сколько на вере в то, что система осуществляет непрерывную верификацию всех распространяемых ею свидетельств. Например, мы полагаемся на публикации в научных журналах именно потому, что система гарантирует их надежность; мы рассчитываем, что даже если какая-то опубликованная информация окажется ошибочной, то это немедленно будет предано огласке. Мы доверяем нашим друзьям во имя нашей дружбы, даже если знаем, что они часто обманывают кого-то другого; но как только мы выясним, что они солгали нам, нашей дружбе будет нанесен непоправимый урон. Верификация свиде-

² “Philosophy is dead” [Hawking, 2010, p. 13].

тельств и подотчетность добытчиков знания – это не дополнительный бонус социальной системы передачи знания, а ее неотъемлемая составляющая. Именно поэтому доверие ее свидетельствам является эпистемической добродетелью; в противном случае оно было бы не добродетелью, а небрежностью.

Итак, механизм социальной передачи распространяется только на ту область знания, которая присуща данной социальной системе, и именно это знание подвергается системной верификации. Этот процесс проверки и подтверждения знания, распространяемого внутри социальной системы, далее будет обозначаться как «социальная верификация» или «внутренняя верификация»³. Социальная верификация осуществляется только членами социальной группы, и ее средства присущи лишь этой социальной группе. Посторонний человек не может принять участия в процессе социальной верификации, и она может осуществляться только теми средствами, которые присущи данной системе.

Очевидно, что социальная верификация возможна лишь в том случае, когда передаваемое знание может быть верифицировано теми средствами, которые присущи данной социальной группе. Знание, которое может быть успешно подвергнуто социальной верификации, далее будет называться «социально верифицируемым» или «внутренне верифицируемым». Здесь необходимо сразу же уточнить, чем понятие социальной верифицируемости отличается от позитивистского понятия верифицируемости. Когда позитивисты говорят о верифицируемости как о критерии осмысленности пропозиций, их не интересует социальный контекст. Позитивистская верифицируемость, будь то «сильная» (эмпирическая) или «слабая» (индуктивная)⁴, подразумевает возможность для любого человека получить убедительное доказательство верифицируемой пропозиции общепринятыми средствами. Нас же интересуют социальные механизмы проверки и подтверждения распространяемого знания, а не позитивистская борьба за осмысленность пропозиций. Социальная верифицируемость знания определяется лишь теми методами, которые применяются внутри данной социальной группы, в отличие от позитивистской верифицируемости, которая подразумевает применение общепринятых эмпирических и индуктивных методов. В этой связи будет уместно отличать «внутреннюю верифицируемость», ограниченную применением лишь тех методов, которые присущи социальной группе, от «внешней верифицируемости», позволяющей применять универсальные эмпирические и индуктивные методы проверки.

³ Дополнительный термин «внутренняя верификация» понадобится далее для противопоставления социальной верификации и «внешней» верификации, которую было бы нелепо называть «антисоциальной», «асоциальной» или «внесоциальной».

⁴ См., например, классическую работу А. Дж. Айера [Ayer, 1946, p. 9].

Теперь нам предстоит выяснить, как эти принципы помогают понять механизм социальной передачи *религиозного* знания. Традиционная претензия, *предъявляемая* к религиозным свидетельствам, состоит в том, что они, в отличие от научного или обыденного знания, не могут быть верифицированы. Но, как мы уже выяснили, для того, чтобы какое-то знание могло стать предметом социальной передачи, оно должно обладать свойством внутренней верифицируемости. Получается, что если религиозные свидетельства никак не верифицируемы, то они не могут распространяться с помощью механизмов социальной передачи знания. Данный аргумент можно представить следующим образом.

Аргумент от неверифицируемости.

- (1) Социальная передача знания возможна только тогда, когда передаваемое знание является внутренне верифицируемым.
- (2) Никакое религиозное знание не является верифицируемым. Следовательно,
- (3) Социальная передача религиозного знания невозможна.

Если принять этот аргумент, то тогда вся затея Джона Греко применить социальный подход к защите религиозного знания окажется безнадежной. Но можно ли как-то его опровергнуть?

По-видимому, посылка (2) является ложной, по крайней мере, в ее текущей формулировке. Далеко не всякое религиозное знание является неверифицируемым: какое-то религиозное знание вполне верифицируемо, какое-то, действительно, совсем не верифицируемо, а какое-то занимает некую промежуточную позицию. Чтобы продемонстрировать это интуитивное предположение я использую стратегию Джона Греко и приведу свои «шесть примеров» религиозного знания.

Пример 1. Бог исцелил Наташу от мигрени.

Пример 2. В России всегда будут истинные верующие вплоть до Страшного суда.

Пример 3. Иисус исцелил тещу Петра.

Пример 4. Будет Страшный суд.

Пример 5. Брат Борис совершает чудесные исцеления.

Пример 6. Страшный суд случится в 2017 г.

Рассмотрим эти примеры с точки зрения их верифицируемости. Примеры 1 и 2 очевидно неверифицируемы. Ни один человек никаким способом не сможет ни подтвердить, ни опровергнуть их истинность. Примеры 3 и 4 иного рода: нехристиане, вероятно, также сочтут их неверифицируемыми, однако христиане скажут, что эти утверждения можно достоверно обосновать ссылками на Библию и учение церкви, т. е. верифицировать внутрицерковными методами. Примеры 5 и 6 могут быть верифицированы как христианами, так и нехристианами общепринятыми эмпирическими методами.

Примеры 3 и 4 представляют собой «внутренне верифицируемое» знание. Этот вид знания принадлежит конкретной социальной группе – христианской церкви. Эта группа ответственна за порождение, верификацию и распространение этого знания среди своих членов. У нее есть свои собственные строгие методы проверки источников происхождения распространяемой информации и ее соответствия церковным нормам. Если какое-то свидетельство проходит надлежащую проверку, то оно получает соответствующее официальное подтверждение, и члены церкви могут относиться к нему с полным доверием.

Примеры 5 и 6 представляют собой эмпирически верифицируемые свидетельства. Их верифицируемость является «внешней», т. е. их истинность могут проверить не только члены церкви. При этом эмпирически верифицируемые свидетельства не являются внутренне верифицируемыми, т. к. общепринятые методы эмпирической проверки не принадлежат ни церкви, ни какой-либо иной социальной группе.

Таким образом, посылка о том, что никакое религиозное знание не является верифицируемым, неверна. Некоторое религиозное знание неверифицируемо (примеры 1 и 2), другое является внутренне верифицируемым (примеры 3 и 4), а третье – внешне верифицируемым (примеры 5 и 6). Очевидно, что наш аргумент от неверифицируемости требует уточнения. Если сформулировать его отдельно для каждого из этих трех видов религиозного знания, то станет ясно, что он по-прежнему будет иметь силу в случаях неверифицируемого и внешне верифицируемого знания, но окажется недействительным в случае внутренне верифицируемого религиозного знания. Этот вид знания обладает теми свойствами, которые необходимы для успешной социальной передачи в религиозном сообществе. Именно этот вид религиозного знания описывается теорией Джона Греко и может рассматриваться наравне с любым другим профессиональным знанием. Именно к этому виду знания может быть применена предложенная Греко защита от скептических аргументов. И я полагаю, что теория Греко имеет прекрасные перспективы для дальнейшей работы с этим видом свидетельского знания.

Но как же быть с дисквалифицированными примерами неверифицируемых и внешне верифицируемых свидетельств: действительно ли они являются совершенно непригодными для социальной передачи? Для начала разберемся с внешне верифицируемыми религиозными свидетельствами. Как уже было сказано, средства их верификации общедоступны и не подразумевают принадлежности к какой-либо религиозной группе. Другими словами, в них нет никакой религиозной специфики. Информация о том, что некий брат Борис (пример 5) способен исцелять болезни, может быть проверена и распространена кем

угодно, но при этом она будет распространяться не как *религиозное* знание, а как обыденное. Таким образом, эмпирически верифицируемое знание является вполне пригодным для социальной передачи, но социальные границы распространения этого знания не будут ограничиваться религиозной общиной, и эта передача, согласно теории Греко, не будет социальной передачей *религиозного* знания.

Теперь рассмотрим неверифицируемые религиозные свидетельства. С одной стороны, такие свидетельства могут исполнять роль свидетельских данных. Люди могут свободно делиться свидетельствами о своих религиозных переживаниях, и их слушатели будут сами оценивать надежность этих свидетельств и самостоятельно формировать собственные обоснованные мнения на основании оценки данных. Но такая ситуация выходит за рамки обсуждаемого подхода, поскольку в этом случае мы имеем дело с возникновением знания, а не с его передачей. С другой стороны, что происходит в той ситуации, когда слушатель не оценивает достоверность данных, а просто принимает религиозное свидетельство от человека, которому он доверяет, например, от друга, родителя или учителя? Может ли такая ситуация быть примером социальной передачи религиозного знания? Я полагаю, что нет.

Для того чтобы обосновать мой отрицательный вердикт, мне потребуется обратиться к идее переноса эпистемического бремени при социальном распространении знания. Такой перенос является неотъемлемой составляющей механизма социальной передачи. Социальная передача знания возможна лишь потому, что общество позволяет переложить часть эпистемического бремени с тех, кто принимает свидетельство, на тех, кто добывает для них знания. Именно благодаря этому переносу «беззаботное доверие» слушателей оказывается эпистемической добродетелью. Если же добытчики знания не берут на себя эту часть чужого бремени, то это дискредитирует всю систему. Поэтому всякий, кто хочет выступить в роли добытчика знания в социальной системе, должен взять на себя дополнительные социальные обязательства. В этом случае словесного свидетельства о собственных верованиях уже не будет достаточно, поскольку от свидетеля ожидают более качественной эпистемической работы. Для иллюстрации сравним два возможных варианта свидетельства исцелившейся от мигрени Наташи из нашего примера 1:

(СН1) Бог исцелил меня от мигрени.

(СН2) Моя мигрень прекратилась. Я верю, что это сделал Бог.

Наташа вполне могла бы ограничиться личным свидетельством СН2, обладающим достаточной эпистемической достоверностью для социальной передачи тем людям, которые ей доверяют, например, ее друзьям или родным. Но предположим, что Наташа намерена выска-

зять смелое заявление СН1 доверяющему ей другу, который при этом входит с ней в одну религиозную группу. Свидетельство СН1, в отличие от СН2, является не личным, а религиозным. Но дружба, как неформальная социальная система, не предназначена для передачи религиозного знания, даже в том случае, когда друзья принадлежат к одной религиозной общине. Что же может сделать Наташа для того, чтобы ее религиозное свидетельство СН1 оказалось эпистемически приемлемым для социальной передачи другу? Боюсь, что ничего. Поскольку Наташа не является уполномоченным специалистом по религиозным вопросам, ее свидетельство нуждается в экспертном подтверждении. Но ее свидетельство СН1 неверифицируемо, поэтому никакой эксперт не сможет проверить и подтвердить ее слова. Без получения соответствующего подтверждения Наташа не сможет выполнить возложенную на нее часть эпистемической работы и поэтому не сможет выступить в роли добытчика знания для религиозной социальной системы.

Что произойдет в том случае, если Наташа проигнорирует свои эпистемические обязанности и станет безответственно распространять свое неверифицируемое свидетельство СН1? В таком случае ее слушатели, будучи эпистемически добродетельными, сразу поймут, что ее положение в обществе не позволяет делать подобные заявления, и не примут ее свидетельство как религиозное знание. Как уже было сказано выше, они могут принять его как свидетельские данные, оценить их достоверность и составить собственное мнение, но тогда это не будет примером социальной передачи знания.

Таким образом, мы вынуждены признать, что ни неверифицируемые, ни внешне верифицируемые религиозные свидетельства не могут быть предметом социальной передачи религиозного знания, что существенно ограничивает возможности применения предложенной Джоном Греко теории социальной передачи свидетельского знания к сфере религиозных свидетельств.

В заключение я бы хотел затронуть два вопроса, которые Греко оставляет открытыми для дискуссии в конце своей статьи. Во-первых, он задается вопросом о том, каковы условия для успешной институциональной передачи знания. Греко предполагает, что институциональная передача зависит от эпистемического авторитета, который, в свою очередь, зависит от морального авторитета. Я позволю себе не согласиться с этим предположением. Если мы хотим оставаться в рамках предложенного социального подхода, тогда нам не следует забывать о том, что эпистемический авторитет определяется тем местом, которое человек занимает в системе получения и передачи знания. Социальная система назначает определенных людей добывать знания, и она же следит за тем, какие знания они распространяют. Система определяет их эпистемическую надежность на основании их

свидетельств. Кроме того, система охраняет только свой, присущий ей вид знания, и делает это своими специфическими средствами, и не контролирует распространение какого-либо иного знания. Добытчики религиозного знания не отвечают перед системой распространения религиозного знания за какие-либо нерелигиозные свидетельства, распространяемые ими по иным механизмам передачи. Назначенные добытчики религиозного знания могут независимо от религиозной системы беспрепятственно высказывать неадекватные научные гипотезы, весьма прихотливо освещать события в мире и даже лгать своим друзьям, оставаясь при этом надежными источниками получения религиозного знания. Поэтому когда католические епископы вовремя не сообщили о сексуальных скандалах, то это, возможно, подорвало их пастырский авторитет, но вряд ли как-то отразилось на их эпистемическом авторитете. Но как только они начнут распространять религиозные свидетельства, противоречащие учению церкви, их эпистемический авторитет будет дискредитирован вне зависимости от их морального авторитета.

Второй вопрос касается дополнительных условий, необходимых для успешной передачи религиозного знания. Джон Греко проводит различие между «межличностными», «неформальными социальными» и «формальными институциональными» отношениями и между свойственными им видами социальной передачи знания. Он полагает, что обычно социальные передачи в рамках этих отношений предполагают наличие компетентности, доверия, добросовестности и авторитета. Когда речь заходит о специфике передачи именно религиозного знания, Греко задается вопросом: «Что же еще требуется?» Это вопрос подразделяется на три: каковы условия успешной *межличностной* передачи знания, способны ли социальные нормы *неформальных* религиозных сообществ гарантировать передачу религиозного знания, и каковы условия для успешной *институциональной* передачи знания.

На основании всего вышесказанного можно утверждать, что необходимым дополнительным условием для любой успешной социальной передачи религиозного знания является внутренняя верифицируемость этого знания. Вне зависимости от того, передается ли знание межличностным, неформальным или институциональным путем, это знание должно быть верифицируемым с помощью стандартных для данной религии средств. Другими словами, необходимые требования для межличностной передачи религиозного знания включают все общие требования для межличностной передачи (компетентность, доверие, и т. п.) плюс требование внутренней верифицируемости; то же самое относится и к неформальной, и к институциональной передаче. Вне зависимости от того, от кого исходит религиозное свидетельство – от друга ли, или от члена неформальной общины, или даже

с амвона, – если это свидетельство неверифицируемо, то его следует принимать не как знание, а лишь как подлежащие критической оценке свидетельские данные.

Список литературы

Ayer, 1946 – *Ayer A.J. Language, Truth and Logic*. L.: Victor Gollancz Ltd, 1946. 160 p.

Greco, 2017 – *Greco J., Reibsam J. Reliabilist Virtue Epistemology // Oxford Handbook of Virtue / Ed. by N. Snow*. N. Y.: Oxford University Press, 2017. forthcoming. URL: <https://sites.google.com/a/slu.edu/john-greco> (дата обращения: 05.05.2017).

Hawking, 2010 – *Hawking S., Mlodinow L. The Grand Design*. L.: Bantam Press, 2010. 256 p.

Welbourne, 1979 – *Welbourne M. The Transmission of Knowledge // The Philosophical Quarterly*. 1979. Vol. 29. No. 114. P. 1–9.

References

Ayer, A. J. *Language, Truth and Logic*. London: Victor Gollancz Ltd, 1946. 160 pp.

Greco, J., Reibsam, J. “Reliabilist Virtue Epistemology”, in: N. Snow (ed.). *Oxford Handbook of Virtue*. New York: Oxford University Press, 2017, forthcoming. [<https://sites.google.com/a/slu.edu/john-greco>, accessed on 05.05.2017].

Hawking, S., Mlodinow, L. *The Grand Design*. London: Bantam Press, 2010. 256 pp.

Welbourne, M. “The Transmission of Knowledge”, *The Philosophical Quarterly*, 1979, Vol. 29, No. 114, pp. 1–9.